

Сидоров, Р. Не именуя [Текст] : стихи / Р. Сидоров. - Новокузнецк : Новокузнецкий полиграфкомбинат, 1998. - 58с.

Не именуя - 1998

* * *

Из нас собрали батальон,
Мне дали старый «ундервуд»,
Шинель без розовых погон –
Таких давно уже не шьют.

Мы прошагали на перрон,
Оркестр сыграл нам бодрый туш,
И юный ротмистр Бальмонт
Нес романтическую чушь.

И мы заполнили вагон,
И «брехунок» оповестил,
Что поезд на Парнасский фронт
Отходит с третьего пути.

Ходили фляжки по рукам,
И пахло в тамбуре травой.
Седой полковник Мандельштам
Молчал нам о передовой...

Прошли года, а не война,

Кто вышел в чине, кто погиб,
А кто сказал – анахмнена, -
И от своих побег к другим.

Передовая, тишина...
Парнасский фронт ночами тих,
И поседевший старшина
В хрущевке тесной пишет стих.

Он собирает свой призыв
В опавших памяти листах.
Не удержав хмельной слезы,
Он составляет строфу так:

«Из нас собрали батальон,
Мне дали старый «ундервуд»,
Шинель без розовых погон –
Таких давно уже не шьют...»

* * *

Мысли, лишённые реального содержания,
Об ангелах, карлсонах, нейтрино (?),
Промысле божьем, Жане Вальжане,
Змее Горыныче, Третьем Риме...

Мысли помешанного, смешного, беззащитного

Человека о величии духа, тщете земного,

Об устремлении разума к чистому

Разуму – плюс немного

Фантазии, внутренней азии,

чувственного дрожания,

Мистики, музыки, математик...

Держащий реальность на содержании

Бесполезен земле. В хрестоматиях

Христианства такого окрестят юродивым,

Доверят устам слово божье.

Бесполезность для дела – в природе их,

И все встречные им – прохожие.

* * *

Время людей деловых пришло.
Я буду петь маргинальную песню.
Нету мне дела до жара жадных –
Лечь и лежать бы.

Бедность небедных – визитка чести,
Глядя отсюда на Темзу в Челси,
Я на Томи загораю в Кузне.
Хлеб на воздухе вкусный.

Денег нехватка хотя и заботит,
Но осознание того, что работать
Надо на дядю, семью, государство...
Дайте мне денег даром.

Берите в братья, братья-бродяги,
В дудку дудеть, бормотать бодягу,

Петь лабуду, лебедой питаться,
Светло витийствовать, может статья,

Чего и выкружим, если нет, то –
Все ничего, ведь брутто от нетто
Разнится только лишь упаковкой,
Которая суть – дешевка.

* * *

Мне так не хочется на бой,

«...туда – на жизнь, на торг, на рынок...»

Единства, а не поединка,

Согласия с самим собой.

Пусть впереди не все темно –

Урод живет противу правил –

Мне хочется немых кино

И черно-белых фотографий.

* * *

Вот берег. Он морской. На нем лежит

Безжизненное тело кифареда.

Сандалии облизаны волной

И выкрашены лунной серебрянкой,

Совсем как новые. Поэтому они

Снимаются с покойного илотом,

По воле случая гуляющим вдоль моря.

Быть может, чем-то Зевсу был он мил,

И тот замолвил слово пред Морфеем.

...не встретив сна, илот покинул ложе...

...прокравшись в дом, спартанцы-сорванцы,

стилет вонзив, истратили замах,

испортив лишь тюфяк и лен циновки...

Илот, не зная ни о чем, гулял.

Озлившиеся мальчики при встрече

Макнули сталью в сердце кифареда,

Который перед этим чудом спасся,

Единственный, с галеры затонувшей,

Меж Сциллою и Харибдою в ночи.

Илот остался жив, нашел сандалии.

А мальчики в ту ночь уснули злые.

А с кифаредом встретился Харон.

Никто не знает, почему так вышло.

Никто не прав. Никто не виноват.

* * *

Голые стены квартиры.

Окурки. Белая тара.

Пыль на полу. В сортире –

Сломанная гитара.

Похмелье. Хрипы из крана.

Хочется сжечь будильник.

На черно-белом экране
Улица Пикадилли.

В пол-лица гематома.
В желудке почуяв жженье,
Прокашливаясь со стоном,
Пачкаешь губы желчью.

Это все так знакомо
Тем, кто знакомы с горем,
В коме живущим, с комом,
Прочно застрявшим в горле.

* * *

Я сегодня проснулся и выпил свой чай.

И пошел на работу. И опять опоздал.

И небо, прозрачное, как печаль,

Спросило: «Ты мой?» - я ответил: «Да».

В общественном транспорте тесно, тепло,

Как в сердце, которое полно любви.

Между мною и небом – только стекло.

Выдернув шнур, на стекло надави.

Ничего не нельзя. Все можно.

Рукою достать до звезды или выпить море.

Сердце бьется ровно и мощно,

Как волна океана о спину мола.

Если спросят: «Что такое весна?»,

Отвечу: «Весна – это время года,

Когда поутру, смыв остатки сна,

Первое, что помыслишь: любовь и свобода».

И «красота спасет мир» - не просто слова.

И верой действительно двинешь гору.

И мысль о том, что живем снова,

Не имеет отношения к горю.

И можно идти, идти и идти,

Не зная куда, за тем, чего нет. И

«Все пути ведут в Рим» - враки. Если летишь –

Все пути ведут в небо.

* * *

Что бесхарактерность? – пространство, а характер –

Лишь линия в пространстве. И кораблик,

Что по дуге торопится до порта,

Допустим, будет первым – в жизни спорта,

Бесспорно, достаточно – но все же

Сама возможность, что представить можем

Прибытие в порт, сам порт, портовый город,

Портвейны, порно или же другое:

Библиотеки, залы, оперетту...

Пойти туда и взять с собой вот эту;

Потом семья, потомки... делать дело,

Рост знания, состоянья, билдинг тела...

Вот четкая и честная черта

Из точки в точку. Точка. Пустота.

Ведя дугу в пространстве: «а что, если б»,

Что я могу? Я соллипсуюсь в эллипс.

* * *

В шапочке из белого войлока

Прошагать по улицам города,

Воротиться в пустые комнаты,
(Дань акустике) слушать музыку...

Выпить чай, почитать хорошее,
Не пытаться ни Ицзин, ни зеркало.
Так и жить до поры до времени,
Удалившись от ливней лишнего...

Выкроить из личного черное,
Ничего плохого не трогая.
В шапочке из белого войлока,
Не запачкавшись черным городом...

* * *

«Научиться бы жить», - думал мальчик –
Учился на тройки,
А вчерашние сверстники
С легкостью делались старше.

Ночь. Настольная лампа.
Он учит уроки.
Смотрит в звездное небо.
Молчит. И готовится к старту.

* * *

Стих часто дольше сильных чувств,
Поэтому правдив лишь частью.
Печаль прочней и дольше счастья.

Так вопреки моим «хочу»

Стих – стенография печали.

И той, которая светла,

И той ночной, безумной, черной.

Уныние – дорога к черту,

Печаль – сырье для ремесла.

Чай, чтение, чань, а чаще четки

Затем лишь, чтобы оборвать,

Уйти, переменить размерность...

Любая химия, химера

Права, коль ущемит в правах

Печали молчаливой меру.

Продукт бездействия несхож –

Увы – с плодами недеянья;

Зачем (сильнее – на ...) мне

Строй недостроенных стихов,

Сей онанизм хореев-ямбов?

Ярмо? Тавро? Привычка? Блажь?

Самозащиты хитрый способ?

Перо, игла, заточка, посох –

Как инструменты ремесла

Решенья проклятых вопросов.

* * *

Не спится... Устал, а смотри-ка, не спится,
Ко мне на окно прилетела синица
И постучала «тук-тук» в подоконник.
Я в доме один. И мне беспокойно.

Койкою пол. Простыня – перина.
Дом погасившей огни субмариной
В ночь погружается. Ночь бездонна.
Светится звездный планктон над домом.

Ночь. Камбалиной сонаты звуки,
Триоли, желтофиоли, глюки, -
Сквозь иллюминатор – минорней, тише
И глуше... и глубже... игла... не слышу...

* * *

Среда – как атмосфера взаимной индукции мысли –
Отсутствует. Да.
Но вместо того, чтобы дуться, я
Говорю: «Один в поле воин» - в том смысле,
Что есть еще самоиндукция.

* * *

Май. Сумерки. Цветет рябина...
Сквозь тополиную листву
Вечерний луч к окну пробился
И впился в стену. На траву
Летят, еще едва заметны,
Пушинки тополей, и луч
Окрашивает красным цветом
При встрече каждую. В углу –
Проекционная картина –
Обои бесцветна, но
Колес Ньютона паутина
Разрисовала полотно.

Луч, умирая, усложнился
И разложился, но не так,
Как человек, который жил и
Закончил, до смерти устав.

* * *

Это место нашего с тобой... детства(?)

Моего и твоего детства.

Время, от которого некуда деться,

Здесь предается бездействию.

Ничего не изменилось.

Тот же ручей, тот же камень,

Тот же гаммарус в ручье... Река лишь

Чуть обмелела, но ясно, что это

Следствие слишком сухого лета.

Клекот кобчика взвился и оборвался,

Запад прячется в розовой вате,

А ветер рвет одеяло с неба

И приносит запах домашнего хлеба.

Хлеб, молоко и мед и... Не знали о Шелтоне

В ту пору, в эти места зашедшие,

А вернее, заплывшие, - как не знали

Об абортах, запоях, изменах, смертях, безнаде...

И в этом незнание была чистота и сила,

Что теперь потрачены временем,

всем, что было...

.....
Спальник стелю на пихтач, там, где они стелили.

Где думали, что любили,

и, как теперь ясно, - любили.

* * *

Тусклую блесну метну я
В плес, усыпанный листвою.

Плещет щука в окнах водных,
Холод осени почуяв.

В цепких пальцах голых веток
Цедит лес прозрачный воздух.

Ветер месит запах тленья,
Метит светом воду месяца.

Хрустнет лось сухою галькой,
Тишины хрусталь разрушив.

Кряк утиный взрежет ухо.
От костра ухой запахнет.

Мглою осеннею застужен,
Забираешься в палатку,

И на жесть брезента ляжет
Тяжесть одинокой ночи.

* * *

Я вернулся в мой город из черной тайги,
Из колючих объятий бабы-яги.
Где за сопку цепляются облака
И мошка заползает в рукав.

Там под дружной пилой падает кедр,
Там вгрызается драга в золото недр,
И по берегу резвистых искристых рек
Не варяг, не грек – бесконвойный зек.

Видел рысь на тропе, белку в дупле.
Зеки мне приносили горячий хлеб.
И кедровой поленницы банный жар
Льдом седого ручья остужал.

Что до ручьев, то они ничьи,
Харьюзовый хвост поперек струи,
Отраженное небо оживлено
В них каменистым дном

И петляньем воды, а вода – мягка,
И подолгу смывает мыло рука.
Изумрудно-янтарный варил я чай,
Вскипятив серебро ключа.

Я был счастлив там. Я был часть бытия.
Я пытал Патанджали под шум ручья.
Глядя в пламя костра, просыпалась во мне
Память Юнга, что жизни длинней.

Жизнь таит в себе смерть, точно рыбу вода.
Там струится змея по медвежьим следам,
И, считая курумник в холодных белках,
Растворяешься в облаках

И... Оставшись живым, вспоминаешь потом,
Как хрустит под незримой ногой сухостой,
Понимаешь, питая огонь до утра,
Зороастр был прав.

* * *

Воскресенье. Завтра на работу.

Подлый труд, по сути, рабский труд.

До рожденья проклятые Богом,

Приговор: «Не покладая рук...»

Чтобы вкус отбить к плодам познания,

Хитроумней черт бы не сумел,

Люди в промежутках между снами

Трудятся – им нечего иметь.

Антитеза жизни – труд, работа

С неискоренимым корнем «раб»...

Роботы, наказанные Богом,

Из казарм выходят по утрам.

* * *

Конец субботы. Мой знакомый Бог

Велит мне отдыхать – я отдыхаю.

Неделею натруженный хребет

Желает к мягкому, расслабься, прислониться.

Глаза полны бездумной глубины...

А в понедельник жесткое седло,

Поводья, разрывающие губы,

И пахнувшая потом пахота.

* * *

Дела идут, как снег, сами собой

У тех, чьи небеса уходят в небо.

Религия – плацебо, а не Бог, и Бога нету,

Помимо (каждый волен дописать),

«Закон о третьем» - лишь игрушка мысли.

Мы вольны выйти в наши небеса

И взмыть из мыла.

* * *

Глядя на часы, видишь, как теряется время.

Теряется то, чего нет. Ты

Затягиваешься сигаретой,

Поглубже вжимаясь в кресло,

Думаешь: «Что же завтра?» -

Зная, что ничего либо – то же.

Зевая, доешь свой завтрак,

Пойдешь на работу, позже,

Пужинав, сядешь в кресло,

Выпьешь свой чай и, трезво

Взглянув на часы, заметишь,

Как теряется то, чего нету.

* * *

Ночь. Кочерги нога

Чертит в печи круги.

Ночь. За окном снега,

Вьюги гибельный гимн.

Теплый и мокрый снег

Темной тугой стеной.

Ночь за окном, и в ней

Нежить снежит в окно.

Нечисть наводит страх.

Воет от страха печь.

Вьюги ночной сестра –

Волглая волчья песнь.

Волос – кошачья шерсть.

Голос ушел на слух.

Кошка когтит в душе.

.....

.....

...похмелье после запоя...

* * *

Черная полночь –

Волглая сволочь,

Снег пополам с дождем.

Печка чуть дышит,
Чавкает крыша,
Кажется – пропадем.

Свежее утро,
Снег перламутров,
Солнце и ветерок.
То ли жениться?
Чистит синица
Радужное перо.

* * *

Красный чай и чайная роза,
Горный хрусталь и фарфор.

Эстетика симбиоза,

Достойная статья строфой.

* * *

Ровесники, зачем не слышу вас?
Что ж листья слов никто не подбирает,
Не клеит черепков разбитых ваз,
Не чертит классиков и в бисер не играет?

Голодных нуворишей накормить
Стране не хватит недр, и лес порублен,
Родня, как речь родную сохранить?
Мы разучились говорить по-русски.

Не оттого ль, не ведая стыда,
Бежали старшие в заморские европы,
Что видели их дар – ненужный дар, -
Кидались кто в стакан, кто в психотропы...

Иосиф русский, видишь ли ты нас?
Нам до тебя, как до Пекина раку.
Больна, бедна и кинута страна,
Но есть еще: рука, перо, бумага.

И три в одном соединив, - рискнем,
Впитав родное, отдаля другое...
Язык не онемееет, если в нем
Настырных несторгов осталась горстка,

Хотя бы горстка... До поры молчат.
Но вижу свечи в окнах то и дело...
Покажутся... Пока ж горит свеча,

И чай мне в вольных дольниках подельник.

* * *

Пережду с котомкой под кустом.
Что мне до потомков, до потом?

Мне сейчас бы разобраться, здесь –
Что это? – уродом меж людей.

Кто они – вершащие дела,
Одноклассники – теперь какой их класс?

Коль уродство – каинова меть,
Маяться ль, что так мне не суместь?

Каяться ль? Изначить душу вкривь
Эвфонией эвфемичных рифм?

Петь дельца паучий путь-прогресс?
Петь Тельца и в пальцах пальцы греть?

Нет. Сорочьих строк не сладок треск.
Мне иной козырный интерес.

«Медь звенящая, бряцающий кимвал...»
Месь насмешек не страшной похвал.

...запеку картошки под кустом,
не пойду попутчиком в потом.

* * *

Город еще не проснулся,
Никто не бежит трусцой,
Лист лопуха пригнуло
Росистое озерцо.

Луна еще выше солнца,
Нет-нет соловья слышать,
Первый трамвай пронесется,
И снова аллея тиха.

А у меня в кармане – бычок,
А в другом – ранетки.
Я – стеклотароманщик,
Романтик свободной сетки.

Город зашевелился,
Закашлялся табачиной,
Город опохмелился,

Вернув на круги кручину.

А я уже отработал
Бартер «посуда – насущный»,
И после восьми – суббота
Со всем тем, что ей присуще.

НН

Замерзшие гитарные смычки

Дыханием души отогревая,
Она стоит под звездами, и ночь
Внимательна, ночь предвкушает Голос.
Холодная сибирская река,
Приток Оби, а значит, Ледовитый
Дождется песни на пластинки льда.
Она поет...
Нет, не поет – колдует...
Покоя нет, и это-то и в кайф.
За бабьим летом наступает снег.

.....
Она поет, колдует, голосит,
И по реке уходит в небеса
Пугливый призрак лошади крылатой...

* * *

Раздраженье впиталось в чернила, и те почернели.
И уж если метаться по табору улицы, то террористом.
Но на улице темной лишь нищие полишинели.
И декабрь на носу, но пойдя разбуди декабристов.

А и свету-то люду – в голубеньких телеэкранах.
Поднабычившись в быдлые будни, смирившись с позором,
Отмывают слезу в мыльной пене плохой мелодрамы
И считают свободой – свободу движенья по зоне.

Сытость сытых и голод голодных, друг другом питаясь...
Метастазами карцеры... Канцерогенный концлагерь...
Побирушка-Россия, такая святая-святая,
Старушонкой стоит в петухами раскрашенном платке.

* * *

Осень. Окончанье октября.
Кажется, последний день без снега.
Злым щенком чернеет небо неба
И в рубин – закатная заря.

Сытые и тучные стада
Неовец навеивает вечер.
Севереет. Я сижу у речки,
И глотает камушки вода.

* * *

Староновогодняя ночь,
Рождественский мороз.
Елку отразило окно,
И лампочку луной
Сделала зеркальная гладь.
Больше ничего не видать.
На столе стоят две свечи.
Мы с тобой молчим.

Будет все у нас хорошо,
Хоть все будет у нас.
Старый Новый год подошел,
И полная луна
Наблюдает землю с высот,
В небесах катясь колесом,
Колеса, с собою ведет
Старый Новый год.

Я гадал по Книге о нас,
И не было хулы,
Я увидел чудное в снах:

Небеса не злы,
Нам с тобою долго шагать
По цветам в раздольных лугах
Вдоль реки, чьи воды чисты,
Берегом мечты.

* * *

Есть в слове «надо» - ад, а в слове «нужно» - ужас.
Стоят по жизни Сциллой и Харибдой
И с возрастом проход все уже, уже...
Уже они сияющей харизмой
Слепят мозги. Не в радость – только – «надо»,
Неможется – но – «нужно» - и давай.
И ужас жизни перед этим адом
Косой нарежет смерти каравай.

* * *

Город, построенный как придаток
К металлургическим комбинатам,
В котловине, на котлованах,
Воспетый поэтом-горланом когда-то,
Ныне отравлен водой заводов,
Воздухом, выдохнутым трубою, –
Самим собою, а житель – водкой,

Скользящим графиком и забоем.

Город, построенный на погосте
Своих строителей: зеков, немцев,
Годами не видящий чистого неба, –
Город, фундамент которого – кости.

Город, разграбленный городничим,
Заморенный мэрами, город Мора –
Замусоренный и утопичный.
Город растущего спроса на морги,

Где анаша западает в душу,
А ханка – в вену, спеша с Форштадта;
С полисемантикой слова «дунуть»
И слова «вмазать»; где дети штаба

РКСМ ныне ездят в фордах
На досуг с сауной и «досугом»,
Город, где очень легко в гору,
На гору, (на горе?), на Судный...

* * *

Город – фундамент кости ЗэКа,
Воздух отравлен и та река
Как Апокалипсиса строка.

А раньше Аба была глубока,
Плыли в зеркальной воде облака.
Топил поплавок пескарь.
И воздух у речки, настоенный на
Траве зверобое, тимьяне... Вина
Пьянее был, – но не достался нам.

* * *

Я родился в городе, где каждый второй
Болен тяжелой болезнью легких.
Пролетая над ним, даже вражеский летчик
Не сдержит возгласа сожаления.
Полноводное серебро
Окислилось – струи чернят колени.

В этом городе даже в колоде карт
Нет королей, и это
Объясняет многое:
Всенародность игры «в дурака»,
Популярность у дам валетов и
Домашних четвероногих...

* * *

Город – сад без буквы ЭС,
Город – бездна, город – бес,

Где кормильцы стариков –
Грядки мусорных бачков.

Город, где для Бэ и А
Слишком много труб, Виан
Описал его давно.
Город, где и центр – дно

Котловины. Город, где
Воздух – яд и смерть в воде.
В кафкианских недрах шахт
Камикадзе копошат.

Маленький мой Ленинград,
Будешь ли ты сходству рад –
Мертвые в снегу лежат
Меж прохожих горожан.

Маяковая гора –
Я стоял на ней вчера,
Черный город под зимой –
Корпус раковый ты мой.

Шприц, стакан и анаша –
Вот отдушина, душа?

Спит изголодавший шкет,

Сунув голову в пакет.

Город язв и гонорей,

Леденящих батарей.

Смерть в натуре – натюрморт.

Здесь без глянца город.

Много красок черных, да?

Я согласен, «господа».

Что мне краски, что слова?

Я с природы рисовал.

Здесь рожден и вырос я,

Город, я ведь плоть твоя.

Осуди, коль сможешь ты,

но во мне твои черты.

* * *

В мой бок вонзили вилы косари,

В мой лоб вонзил мой рок дубовый рог.

Мне по боку вожди, жрецы, цари,

Мне дорог тот, кто бродит без дорог.

Всем братьям моим, руки распластав,

Довывернут сустав, и гвоздь в ладонь.

Распни! – и прокуратор, вдруг устав,

Умоет руки грязною водой.

Процесс закрыт. И мухи на крови

Скользят, но все же лезут глубже в рану.

Держусь. С Голгофы, братья, чудный вид.

Гляжу, уходят с радостным Вараввой.

Рабская смерть – распятие на кресте.

Мы на Христа нисколько не похожи.

Последнее, что слышу: «Что ж ты, Боже!»

Прохожий крестится и плачет в темноте.

* * *

День как день – обычный день.

Двое в комнате – я и тень.

Денег не предвидится пока.

Устал идти – встал этап пути.

Я сижу на диване – болен и тих.

Хочется пить, но дрожит рука.

Будет вечер, и кто-то придет.

Я знаю, что дальше произойдет.

В этом спектакле знакома мне каждая роль.

Вечер приводит в гости людей.

Все, как и я, как один – лицедей.

Кто-то покажет бутылку – это пароль.

Сценарий прежний – все как всегда:

Ты спросишь – пойдешь? – я скажу – да.

Мы денег найдем и сходим еще за одной.

Потом – пойдём в другие места...

- Твоя какая? – Моя вон та.

Менты уже все знакомы на проходной.

Звон бокалов. Натянутый смех.

Час предвкушенья альковных утех.

Кто-то притворно зевает: «Надо бы спать».

Дверь закрою. Выключу свет.

Все будет так – почему бы и нет?

Утром спрошу у нее: «А как тебя звать?»

Она что-то скажет, и я кивну.

Кивком проводив, я опять усну.

Нечем похмеляться – страшно не спать.

Новый день. Обычный день.
Снова двое – я и тень.
И нету ни сил, ни желания – что-то менять.

* * *

Нервно взрезанные вены...
Нежность кожи под ножом...
Дрожь ножа в руке неверной...
Кровь... пожизненный ожог
Жало лезвия остудит...
Судорожно нож зажав,
Вдруг... опомнишься и будешь
Дальше жить... горячка... жар...

* * *

Февраль, а небо светится весной
И солнце в щеку ласково целует.
И нежный ветерок меня взволнует,
На грудь накатит теплою волной.
Февраль, но уже кончилась зима,
А в небе месяц – это месяц март.

И я вхожу в весну, вновь молодой,
Как будто только-только восемнадцать.
И к ночи неохота возвращаться
В мой холостяцкий и холодный дом.
Все реже в нем бываю по ночам,
И там скучает, без меня, печаль.

Я вновь готов любить. За просто так,
За взгляд, за жест, за ласковое слово...
И никому я не желаю злого,
Простите, если вышло что не так, -
Нежна и неуклюжа доброта,
Что долго была в сердце заперта.

И двадцать третье – впервые за семь лет
Как после армии я встретил трезвым.
Венозное вино я не прорезал,
Прозрел и привязался вновь к земле.
Прощай, зима, ты сделала свое,
Иду в весну, нам по пути вдвоем.

Февраль, но уже кончилась зима.
А в небе месяц – это месяц март.

* * *

Ниоткуда пришедший на эту землю
И готовый уйти навсегда отсюда,
Я приемлю все, но лишь небу внемлю,
Потому что я знаю, что я там буду.

* * *

Вдруг пошел слепой дождь,
Теплый, как душа дня
Сенокосного июля.
Мед лучей.
В безответную синь
Подымалась гора,
А по склону меж деревьев –
Вплеск – ручей.

А на горе стоит дом,
Где кедровый брус – сруб,
Из листвяных плах – скат,
Ставни – влет.
Ивовый плетень – вкруг,
А плетень увил – вьюн,
А на плетне сидит – птах
И поет.

А на крыльце сидит – Бог.
Босоног и чуть пьян,
Со щербатою улыбкой в бороде,
И в глазах его – свет,
Ясный, как слепой дождь.
Богу восемьсот дум.
Сто идей.

Богу тридцать семь бед,
Пять побед и семь ран.
Взлетов больше, чем падений,
На один.
И слепой дождь – с ним.
А в зените его нимб –
Желтый диск.

.....
.....

А когда придет смерть,
Чистая, как от дождь,
Они сядут – «на дорожку» -
Посошок.
И пойдут: она – вкривь,
Ну а он к себе – ввысь...
Солнце в листьях расплескалось,

Дождь прошел...

* * *

Приветствую тебя, последняя страница,

Хранящая разгадки детских тайн.

Когда-нибудь любя, мы самоустранимся

В страну, что рисовалась нам в мечтах,

Оставив на листах коды ориентиров,

Чтобы гайдары нас смогли найти;

Меняются места – общаги и квартиры

В потоке прибывающих в пути.

Меняются места, зарплаты, положенья,

Страницы, стимуляторы, страна...

Но неизменны мы, средь вечного круженья,

Как центр на оси веретена.

* * *

Легко презирать держащих бразды,

Но задумайся и – пожалеешь.

Песни цветов тише воды,

Но выше травы июля.

Легко цитировать Экклезиаст,

Вспоминая и глядя в завтра.

Моарионитшенский Зороастр

Перед зеркалом чистит горло.

Трудно понять стариков и детей,
Загадочен старый ребенок.
Ююбы плывут в ночной темноте...
Красных созвездий рябина...

* * *

Как в человеке мало человека –
Машина, дерево, животное, живот...
И лишь на острие вершины верха
Духовное, где человек живёт.

* * *

Толстый дедушка верхом на быке, посох в руке –
Оставил внуков – оставил им пять тысяч слов.
Желтые листья осени плывут по желтой реке.
Красная нить пути – через закатный склон.

Перемены нехитры, дедушка неумен, бык небыстр.
Вставшим на дедушкин путь солнце согреет спину.
Сел на быка и отбыл в направленье судьбы,
Туда, где родился под деревом желтый принц середины.

Ниточку длишь на запад – самосский драчун и молчун,
Чьи штаны хоть и старше, но все же прочней плащаницы.

.....И я тоже хочу

.....С НИМИ.

* * *

Ей было сорок, ему двадцать пять,
И он ее чуть стеснялся.
Но каждый вечер он шел и опять
В желтую дверь стучался.

Она была доктором точных наук,
А он сталеваром в домне.
У нее – голова, у него – пара рук
И прочего, впрочем, вдоволь.

Когда он женился, нет, не на ней,
Ему двадцать шесть было,
Она невесте, теперь уж жене,
Белое платье сшила.

Прошли года, и его сын
С ее обручился внучкой.
А Он на свадьбе, напившись косым,
Сказал: «Породнились, сучка»...

* * *

«Привет, мой друг! Пишу тебе с войны.
Твое существование – утешенье
И для меня, и для моей жены –
Мне есть кому писать, ей – с кем иметь сношенья.

Я не убит покуда, не убит.
Смерть очень сложно обратить в привычку,
Трудней, пожалуй, жизнь не разлюбить.
Пишу «живой» - для точности – в кавычках.

Позавчера мы взяли два села.
Вчера весь день удерживали села.
Сегодня тишина; зарыв тела,
Справляем новоселье новоселов.

Когда мой старшина поставит плюс
В графе «хана» в вечернюю поверку,
Скажи жене, что я ее люблю,
И помни: она любит больше сверху...»

* * *

Надолго к гласу Логоса оглох.
Чем плох Психеи посох для слепого?
Мне немота несказанного слова
Оттачивала точное стило.

Я притомился в собственном соку,
При сорока под крышкой потолочной
И полночь, чифиром заморочен,
Я за строкой пристреливал строку.

Не предложенье порождает спрос,
Но спрос, по мне, дешевле предложенья.
Я сам себя стихами перерос
Стихосложению тихослуженьем.

Мне не до маргарит – губа не дура.
Я сам себе – критерий мастерства.
Пока я есмь – поэзия жива.
Я из себя творю литературу!

Новый год

Скоро-скоро, очень скоро
Новый год приходит в город
Сделать всех нас младше и добрей.
Воздух с коркой мандарина,
И украшены рябины,
Красными шарами снегирей.

Город приготовил все для встречи:
Елка, конфетти, конфеты, свечи... Вечер:
Тут и лучшие одежды,
И на лучшее надежда...
Самый настоящий Дед Мороз

С бородою и усами
Разложил подарки в сани –
Развозить по городу повез.

Что загадано – случится.
Счастье в двери постучится,
Скажем счастью: «Здравствуй, вот и ты».
Верю я, что к нам с тобою
Новый год придет с Любовью, -
В эту зиму вырастут цветы.

Белоснежно-нежные тюльпаны
В холоде январских снегопадов...
Рано утром подойдя к окошку,
Ты оттаешь лед ладошкой,
Там увидишь белые цветы.
Скоро-скоро, очень скоро
Превратится новый город
В сад осуществившейся мечты.

* * *

Весна входит в город развязной
И ветреной девкой на бля.
А в памяти – первообразной –
Чернильный исход февраля.

Снег, вульгаризованный грязью,
Опошил слюдянистый наст.
Весна для венца и для казни
Разводит с тобою нас.

* * *

Может быть, чтобы приблизить небо,
Нужно вначале прижаться к земле,
Влюбиться в земное, слиться с земным.
Может быть, чтобы приблизить небо,
Нужно слиться с землею,
Раствориться в земле.

Может быть, чтобы увидеть землю,
Нужно долго-предолго смотреть в небеса,
Взмыть и плыть в небесах.
Может быть, чтобы приблизить землю,
Нужно жить в небесах.

* * *

Жизнь вынуждает нас пригнуться

Не для того, чтобы убить, а

Для поднимать осколки блюда,

Которое тогда разбили,

Запхнув ногою в зев, «забыли»,

Зевнув, забыли, не жалели...

Жизнь занижает нас до быта –

Достать и склеить.